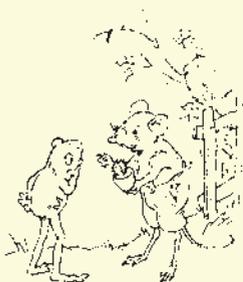

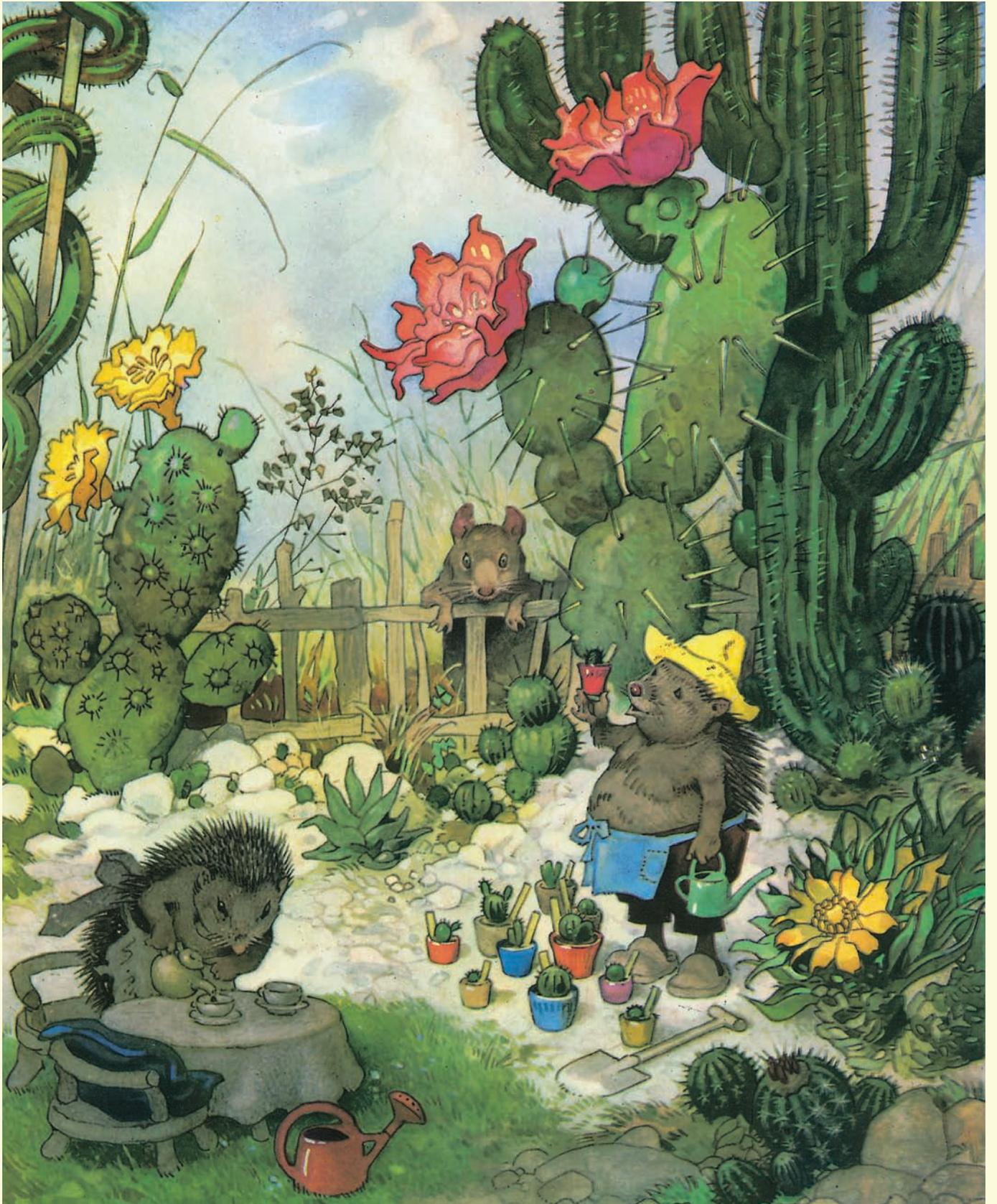

Ёж Крапинка Колючкин, пожилой господин с уже поседевшей щетиной, с годами сделался немного странным, впрочем, Эйсебия, его жена, привыкла к этому и воспринимала затеи мужа с добродушной усмешкой. Однако новый сад стал подлинным потрясением для его до сих пор столь счастливой ежихи. Почему? Да потому, что почтенный Колючкин оказался любителем кактусов и каждую грядку и каждый уголок засадил этими так похожими на него растениями. Окружённые его заботливым уходом кактусы разрастались в своё удовольствие, угрожающе вытягивая во все стороны иголки и иглы самой разной длины. Для Колючкина было величайшей радостью встать между ними и сделаться незаметным, будто он и сам – толстый круглый кактус!

Вот только для повседневного стола кактусы не годились – разве что иглы можно было приспособить под зубочистки, – и госпоже Эйсебии приходилось заботиться о том, где добыть еду. Но ни слёзы, ни крики не помогали, Крапинка всё время проводил со своими любимыми кактусами.

И тем не менее в итоге дело наладилось! Соседи тоже начали проявлять интерес к разным диковинным растениям. Стало модным отводить под них маленький уголок сада, и за это ежиное семейство получало овощи и фрукты на свою кухню. Так упорство Колючкина привело к успеху, и последнее слово он оставил за собой, заметив как-то: «Да-да, глянь-ка ещё раз, дорогая Эйсебия, и убедись, что Крапинка Колючкин умом не обделён и всё хорошо и правильно делает!»

Госпожа Журжа, пчела, со своими многочисленными детьми сразу же энергично взялась за садовые работы. Так что скоро земля была вскопана, все камни убраны, и участок полностью засеян тщательно перемешанными семенами цветов. Дорожки и скамейки здесь не требовались, ведь пчёлы редко спускаются на землю и ещё реже отдыхают.

Вскоре землю покрыл ковёр из цветов, сияющий всеми красками. Я думаю, нет такого цветка, который бы не рос в саду госпожи Журжи, за всеми она следила и каждый знала по имени. Какой аромат и какое великолепие! С раннего утра и допоздна отсюда слышалось гудение и жужжание пчёл, искавших свежий цветочный сок. Зато и запас мёда пополнялся всё лето!

Пчелиная мамаша в своём роду лентяев не терпела! И горе чужаку, который осмеливался нарушить эту деловую слаженность! Тут госпожа Журжа просто приходила в ярость и обрабатывала его своим острым жалом до тех пор, пока он не спасался бегством. Тем не менее сердце у неё было доброе и отзывчивое. Кто был голоден и вежливо просил, тому она вручала туесок, полный превосходного мёда, как бы ни приходилось экономить в собственном хозяйстве.

В своём саду пчёлы жили радостно и счастливо, а над воротами повесили изречение: «Без старания нет мёда!».

Мулле, навозный жук, оказался сущей шельмой! А ведь никто и представить себе не мог этого в те времена, когда он элегантною походкой появился в этих краях. И лишь сад вывел всё на белый свет.

В самом начале в товарищество с большим трудом была привезена телега навоза, который сгрузили высокой кучей в одном из углов. И каково же было изумление остальных садовладельцев, когда однажды утром они увидели возведённый вокруг этой кучи прочный забор! А на самом верху в удобном шезлонге возлежал наш Мулле, читая газету и всем своим видом показывая, что иначе и быть не может. А его дети развлекались тем, что скатывались по склонам кучи, как на санках, и вы можете себе представить, на кого они были похожи?!

Как известно, у навозных жуков челюсти очень мощные, настоящие клещи. Поэтому соседи лишь побранились, но пытаться намять ему бока никто не рискнул. Вот так, через самозахват, Мулле оказался в саду, полностью отвечающем его вкусу и его обонянию.

Когда солнце разогревало навоз и тот начинал дымиться, Мулле снова и снова убеждался, что находится на самом прекрасном курорте. Он лишь посмеивался над людьми, которые отправляются в горы или на море. Ведь такого воздуха там не найти!

Вы можете сколько угодно морщить носы; это столь же мало волнует его, как и ругань соседей. Навознику запах навоза кажется столь же прекрасным, как вам аромат розы!

Хрупс, хомяк, требовал себе особенно большой участок, ссылаясь на то, что хомяки всегда должны получать больше! Связываться с толстым спорщиком никому не хотелось, и в итоге ему достался действительно огромный кусок земли.

Ах, как же плохо расплатился он за такую любезность! Ни тепло солнца, ни яркие цветы, ни белые облака на небе не доставляли ему радости. Его участок оставался невозделанным. Колосья ржи и пшеницы росли вперемешку с сорняками, и это навело Хрупса на очень скверные мысли.

В своих дебрях он выкопал несколько погребов, снаружи оставшихся совершенно незаметными, и днём Хрупс никому на глаза не показывался. Но как только опускалась ночь, начинались его тёмные делишки. Бесшумно пробирался он в соседские сады и прихватывал с собой всё, что попадалось ценного: горох, землянику, вишню, морковку, луковицу и много чего ещё. Свою добычу он тщательно проваривал, сушил, мариновал, и хомячьи кладовые заполнялись всевозможными кадушками, банками и склянками.

Хрупс был скрягой высшей пробы, заботившимся только о себе и своём брюхе. Соседи не решались выступить против здоровенного пройдохи, и только матушка пчела Журжа достойно его проучила! Когда Хрупс непроглядной ночью протянул свои длинные лапы к её полному мёда сотам, она крепко его ужалила. «Ай!» – завопил Хрупс и целую неделю потом ходил с лапой на перевязи. Тем не менее воровства он не оставил и лишь ульи обходил с тех пор далеко стороной.

